

Мария Фомальгаут
Когда улетают скрипки

Мария Фомальгаут

Когда улетают скрипки

«Издательские решения»

Фомальгаут М. В.

Когда улетают скрипки / М. В. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740699-8

...добро пожаловать в Таймбург, город с древней историей, с великим настоящим и не менее великим будущим. Прошлое Таймбурга, к сожалению, затеряно в веках, но это не мешает нам насладиться величием города.

ISBN 978-5-44-740699-8

© Фомальгаут М. В.
© Издательские решения

Содержание

Анатомия города	6
Город Таймбург	8
Город ищет человека	13
Еинежарто	14
Когда улетают скрипки	16
Кимберли	22
Красный чай	29
Луноделы	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Когда улетают скрипки

Мария Владимировна Фомальгаут

Иллюстратор Мария Владимировна Фомальгаут

Дизайнер обложки Мария Владимировна Фомальгаут

© Мария Владимировна Фомальгаут, 2021

© Мария Владимировна Фомальгаут, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4474-0699-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анатомия города

...не на всех землях живут тени и камни, есть во вселенной уникальные образования. Например, мне лично доводилось наблюдать землю, на которой живут города.

Города бывают разные, большие и маленькие, есть и вовсе крохотные городишечки. Город живет на земле, чаще всего на равнинах, очень редко поднимается высоко в горы. Летать город не может, мешают притяжение земли. Мне доводилось видеть один плавучий город, но это скорее исключение, нежели правило.

Города в основном образуются в устьях рек и по берегам морей, ведут оседлый образ жизни, как примитивные животные. Возможно, на более высокой ступени развития города научатся передвигаться. Лет так через полтысячи, не раньше. Сейчас это простые твари, обладающие зачатками сознания.

Город растет всю свою жизнь, сколько живет. Рост города не подчиняется какой-то форме, ограничивается только естественными преградами (море, скалы). Если на пути города встречается город поменьше, большой город глотает его целиком. Что странно, маленький городок даже в минуты опасности не старается убежать, более того – какая-то сила как будто притягивает его к большому городу.

Иногда рост города замедляется, а то и вовсе город уменьшается в размерах, уходит от окраин к центру. Это смерть города. Мне доводилось видеть умирающие, и даже мертвые города – от них на поверхности земли остаются причудливые скелеты, которые медленно разрушаются.

Но если город рассыпался в прах – не всегда значит, что он умер. Бывает, что город просто уснул (см. анабиоз). Через много веков или даже тысяч лет на том же месте вырастает новый город. Сначала я думал, что старый город пустил ростки, но никаких ростков я не обнаружил.

Мистика?

Нечто необъяснимое?

Только годы и годы спустя я догадался, в чем дело. Душа умершего города не покинула планету, не ушла на спутник планеты, где души умерших городов устроили себе пристанище. И много веков спустя душа снова нарастила на себя плоть.

На более поздних стадиях развития несколько городов могут объединяться в один (переход от одnogородности к многогородности). Мне доводилось наблюдать такое объединение городов Европы: Парижа, Лондона, Мадрида, Берлина, Праги, Варшавы... когда объединяются трехмерные города, на их месте появляется четырехмерный, живущий в нескольких мирах.

Однако, не всегда объединение городов проходит гладко. Если у одного города заряд положительный, а у другого – отрицательный, то два города при встрече аннигилируются с огромным выбросом энергии. Так, например, произошло при попытке объединения Петербурга и Москвы в районе Твери. Выжженная земля на месте Тверской воронки до сих пор не пригодна для обитания.

Каким будет будущее городов, покажет время. Есть версия, что города – это наши далекие предки, через пару миллионов лет города на далекой земле станут такими же, как мы. В пользу этой гипотезы могу привести множество общих черт (трехступенчатая аура, каменный скелет, электрические сети). Осталось найти в космосе планету, от которой наш народ начал свой многовековой путь по космосу – на ней должны были остаться истлевшие скелеты городов – наших предков.

...к слову об анатомии городов могу сказать, что на телах городов я наблюдал множество мелких созданий непонятного происхождения: они не являются частью города, но живут в нем. Возможно, я наблюдал каких-то мелких паразитов из тех, что кормятся на телах круп-

ных животных ороговевшими кусочками их шкуры. На более поздних стадиях развития (четырёхмерные города) паразитов уже не наблюдается.

Анатомия городов отличается разнообразием...

Город Таймбург

...добро пожаловать в Таймбург, город с древней историей, с великим настоящим и не менее великим будущим. Прошлое Таймбурга, к сожалению, затеряно в веках, но это не мешает нам насладиться величием города.

Что же может посмотреть турист, которому посчастливилось посетить славный город Таймбург? Прежде всего, настоятельно рекомендуем вам покататься на местном колесе обозрения, Оке Таймбурга. Колесо по праву считается самым большим в мире, начинается здесь, на главной площади города, а заканчивается на задворках туманности Андромеды.

Стоимость удовольствия – одна ваша жизнь.

Итак, вы поднимаетесь на колесе. Колесо начинается от первобытных костров, древних стоянок, где тощий хозяин в плетеной дерюжке прилаживает к своему шалашу трубчатые кости мамонтов, чтобы дудели в сильный ветер, как кларнеты. Молодой охотник плетет из ветвей и шкур большие крылья, поднимается на высокую гору, неловко взмахивает самодельным летательным аппаратом, летит к солнцу...

...на закате молодая вдова плачет над останками первого летчика.

А колесо поднимается выше, выше, вот воины вернулись из далекого похода, привезли с собой богатую добычу, рассказывают всем и каждому, как там живут где-то, где-то, где-то безголовые люди и люди с песьими головами, а дальше ходить нельзя, а то можно упасть за край земли. Старый воин привез прекрасных пленниц, они будут его наложницами, одну из них он дарит сыну на совершеннолетие. Ночью пленница рассказывает юноше о дальних берегах и дивных странах, парень, влюбленный и очарованный, хочет бежать с ней. Но стража не дремлет, бросает беглецов под очи отца. Предатель, на сторону врага перешел! – и падает с плеч голова юноши...

Колесо поднимается выше, выше, вот уже видны ратуши Таймбурга. Немолодой лавочник ходит по ночам к белошвейке, глаза твои ярче звезд, губы твои подобны кораллам, тихо, тихо, соседи услышат... жена лавочника объявляет девушку ведьмой, предает в руки инквизиции. Молодой священник видит, что белошвейка не виновата, ночью он хочет увезти ее далеко-далеко, в неизвестную деревушку. Беглецов ловят, на рассвете сжигают на костре...

Выше и выше поднимается кабинка, туристы щелкают смартфонами, фотографируют первые полеты первых дирижаблей, один дирижабль совершает аварийную посадку, все переводят дух. Кабинка поднимается еще выше, на горизонте видны небоскребы, сначала строгие, ровные, потом причудливо изогнутые, закрученные сами на себя.

Высшая точка.

Пик.

Подъем.

А потом вниз, вниз, хватит уже вертеться на колесе. Реформируют образование, вводят тесты вместо экзаменов, отменяют домашние задания, число пи делают равным трем. Молодые сидят ВКонтакте, Мне Нравится, Твитнуть, Поделиться с Друзьями. Падают самолеты. Потихоньку рушится то, что было построено, трещат стены домов, прорывает ржавые трубы, о ужас – кабинка обрывается, повисает на одном тросе. Среди туристов паника. Сохраняйте спокойствие, все будет хорошо. Доедем.

Народ разбивается на колонии, на общины, люди с утра думают, где достать выпить, чтобы ни о чем не думать. По вечерам рассказывают друг другу легенды, как раньше люди умели летать и разговаривать друг с другом на расстоянии. Да чего ты гонишь, не было такого никогда...

Ниже опускается кабинка. Раскачивается на тросе. Среди людей рождаются беспалые слепые уродцы, кое-где появляются младенцы с рыбьими хвостами.

Кабинка спускается. Неуклюжий зверь прячется в зарослях, только по форме ушей можно догадаться, что предки этого существа строили самолеты и устанавливали Виндовс...
Всего хорошего. Большое спасибо, что посетили наш аттракцион.
Люди выходят из кабинок, смотрят в небо, ищут потерянный рай...

Из истории города Таймбурга

Город Таймбург появился в глубокой древности. Через год он сказал первое слово, а еще через год сделал первый шаг. В восемь лет город Таймбург пошел в школу, где выучился читать и писать, проявил недюжинные способности в музыке и математике. Потом...

Каждому, кому посчастливилось оказаться в Таймбурге, настоятельно рекомендуем посетить традиционную таймбургскую трапезу. Традиционная трапеза – это целое искусство, в наши дни, к сожалению, утерянное. В начале трапезы подается детство – в меру строгое, в меру безоблачное. Потом, в качестве аперитива подается первое сентября, как правило вкупе с букетом гладиолусов.

В качестве холодных закусок подается первая двойка, первая любовь, первое предательство и разочарование. Как правило все это сбрызгивается слезами в подушку и мыслями о смерти.

Потом подаются горячие блюда – вступительные экзамены, первая сессия, попойка после первой сессии (количество спиртного не ограничено), любовь. Отдельным блюдом подается свадебный торт.

Есть свадебный торт – это тоже целое искусство, от него надо отщипывать по кусочку в течение всей жизни, наслаждаться вкусом, смаковать всю гамму ароматов. К сожалению, большинство наших гостей хватается свадебный торт огромными кусками, пресыщается вкусом, бросает остатки на пол, хватается за другой торт, за третий, десятый...

Вторым блюдом подается работа, которую можно сдобрить карьерой. Отдельно в соуснике подаются дети, можно заказать несколько штук.

Все реже заказывают серебряные и золотые свадьбы, бриллиантовые свадьбы и вообще эксклюзив. Будьте осторожны, в десерте могут попадаться смертельные болезни.

На закуску подается смерть, ее также следует вкушать осторожно, смерть требует к себе отдельного подхода. К сожалению, большинство посетителей этого не понимает, смертью давятся, смерти боятся...

Великая традиция трапезы все больше уходит в прошлое. В наши дни не только посетители оставляют желать лучшего, но подчас и обслуживающий персонал. Бывает, что забывают подать свадебный торт, а однажды даже был случай, когда одному из посетителей не подали... смерть.

Из истории города Таймбурга

В тринадцать лет город Таймбург первый раз влюбился – в какую-то деревеньку за холмами, но родители объяснили ему, что она ему не пара. Позднее Таймбург женился на богатой столице, но не был счастлив в этом браке, не мог забыть свою первую любовь.

Если вы располагаете средствами, можете насладиться уникальным аттракционом – полетом на воздушном шаре. С головокружительной высоты вы можете увидеть весь город и всю свою жизнь. Конечно, все зависит от вашего умения управлять воздушным шаром. Кто-то поднимается на шаре высоко в небо и летит, как ветер ляжет. Кто-то поднимается медленно, мед-

ленно, осторожно, чтобы не отдаться ветру. Бывают смельчаки, которые сразу поднимаются высоко в небо, летят так, как им хочется – ветер срывает шар, они разбиваются насмерть.

Мы рекомендуем вам ознакомиться с правилами поведения на шаре:

Когда только поднимаетесь на шаре, наметьте себе направление, которым хотите лететь.

Если вы почувствуете, что ветер сбивает вас с указанного направления, не сопротивляйтесь, летите по ветру, потом вернетесь на свой маршрут.

Не поднимайтесь слишком высоко, рискуете не справиться с ветром.

Если вы пролетели весь путь по ветру, так и не смогли вылететь на свой маршрут, не отчаивайтесь, вы не один. Еще никому не удавалось пролететь так, как хотелось изначально. На вопрос, почему вы летели так, можете ответить двояко: или – так получилось, или – именно так я хотел лететь всю жизнь...

Правда, ходит легенда, как один смельчак наперекор всем ветрам вырвался в открытый космос.

Из истории города Таймбурга

Город Таймбург получил образование в Таймбургском государственном университете на факультете градостроения. Таймбург работал архитектором в...

Если вы оказались в Таймбурге – не забудьте насладиться шопингом. К вашим услугам самые крупные универмаги, разнообразие товаров поражает. Вы можете купить себе судьбу на выбор, к вашим услугам огромное разнообразие. Однако, имейте в виду, судьбы обмена и возврату не подлежат.

В маленьких уютных отделах вы можете приобрести себе заветную тайну, вам продадут ее в маленькой шкатулочке. Если вы подниметесь на самый верх гипермаркета, можете приобрести заветную мечту. Не забывайте, что мечта стоит очень дорого, за нее придется отдать всю жизнь.

В магазине романтики можете приобрести любовь – от милого увлечения до бешеной страсти, от легкого флирта до крепкого чувства на всю жизнь. Цены вполне демократичные, вам дадут столько, сколько сможет унести ваше сердце.

В наших супермаркетах вы можете приобрести немного чуткости, нежности, или, наоборот, решительности – в зависимости от того, чего вам не хватает.

Из истории города Таймбурга

Знаете ли вы, что...

...в тысяча каком-то там сколько-то там году город Таймбург съездил в Париж.

...в тысяча сколько-то там каком-то там году Париж съездил в город Таймбург.

...после смерти жены город Таймбург спустя три года траура женился на деревеньке, своей первой любви. Несмотря на свои интрижки с другими деревеньками город Таймбург был очень привязан к своей жене.

В свободное время вы можете посетить музей истории человека. Здесь представлены всевозможные экспонаты – ваша первая книжка, ваша любимая игрушка, красивый камушек, который вы потеряли в детстве, а нашелся он уже через двадцать лет за шкафом. Заветный клад, который вы закопали во дворе. Первая пропись с вашими каракулями. Дневник, который вы спрятали в подъезде, чтобы вам не попало за единицу, вам тогда казалось, что единица – это что-то ужасное, страшнее и быть не может.

А вот записка, которую вы написали Фросе Кукушкиной, Дуне Лягушкиной, Ксюше Плюшкиной, нужно подчеркнуть. Написали – Я тебя люблю, еще долго думали, посылать, не посылать, боялись смотреть в ее сторону, аккуратно передали записку на математике... училка, дура, выхватила, развернула, прочитала перед всем классом. Вы тогда еще не знали, что она не имела права... да начнем с того, что это вы не имели права на уроке... вот так... ну тогда вы ничего этого не знали, выбежали из класса в слезах...

А вот вам ваши первые стихи. Вы думали, вы их сожгли? А черта с два, вот они, все при всем, и про любовь, и про подвиг, и про звезды.

В следующем зале можете насладиться фотографиями с выпускного, вот ваша зачетка, вот рассольчик, которым вы опохмелялись после нового года, вот... Не хотите вспоминать? А придется.

Это вот ваше сочинение на тему кем я хочу стать, когда вырасту. Вы написали, что хотите... а стали... Эти строчки заполните сами.

Вот ваши фотографии из стран, в которых вы побывали. А вот ваши фотографии из стран, в которых вы не были. Последних больше. Вот это фотография вашей семьи, как бы она выглядела, если бы вы никого не слушали и женились на Фросе Плюшкиной, как хотели.

А вот фотография с места происшествия, когда упал ваш самолет. Что такое? Не было? Правильно, вы на этот рейс опоздали.

В следующем зале представлены...

Из истории города Таймбурга

Население Таймбурга составляет ровно один город.

Город ищет человека

За годы своих странствий город обветшал, поистрепался в долгом пути. Его улицы, некогда чисто выметенные, замело снегом и умирающими листьями. Краска с его фасадов облупилась, ограды поржавели. Кое-где в домах выбились стекла, и на крышах отлетела черепица. Когда-то ухоженные газоны покрылись сорной травой, в нетопленных домах было холодно.

Но город не отступал, он все шел и шел через снега, через ледяные холмы и высокие горы. Заблудившийся город искал человека.

Он знал, что где-то там, там, там, за горами, за белой метелью, за заснеженными холмами, – должен быть человек. И когда-нибудь город увидит его огонек.

Другие города смеялись над Городом и не понимали его. На хрена тебе человек, можно подумать, без человека не проживем. И так хорошо, сколько веков без человека жили, и ничего, никто не умер. Вообще не существует никаких людей, сказки все это, что по ту сторону гор живут люди. Вон, легенды почитай, там еще и не такие бредни написано, что земля круглая, и в небе висит ни на чем, и вертится вокруг солнца, а не солнце вокруг земли.

Да и вообще, мало ли чего ждать от этого человека, мало ли что про него легенды говорят... Кто тебе сказал, что он в тебе жить будет, может, он тебя съест.

Другие города давно уже получили два высших образования, построили карьеру от менеджера до топ-менеджера, женились, взяли ипотеку и машину в кредит.

А Город искал человека.

Шел и шел через снега Гималаев, в пределах тех границ, где города оживают и могут ходить. Звал человека – манил огнями, которые зажигал на высоких башнях.

Ведь город видел сон. Видел человека, озябшего, изможденного, одиноко бредущего через снега. Человека, который оставил свой дом и ушел в заснеженные горы на поиски чего-то, может, он сам не знал, чего. Шел через заснеженные перевалы, оставляя за собой кровавый след, искал в темноте ночи, не мелькнет ли огонек Города...

Еинежарто

На глади реки дрожало отражение замка. В воду глядел очень красивый замок со шпилями и башенками, посматривал на прохожих стрельчатыми окнами, подмигивал солнечными зайчиками в стеклышках витражей. Замок овивала широкая лестница, стройные колонны поднимались в самое небо. Панельные дома, ровными рядами стоящие на улице, почтительно расступались перед дивным замком.

Случайный прохожий, торопясь по своим делам, невольно замирал, пораженный дивным зрелищем. Деловой человек, опаздывая на работу, нет-нет да и сбавлял шаг, смотрел на отражение, дрожащее в водной глади.

Но когда прохожий поднимал голову, чтобы посмотреть на сам замок, бросающий в реку свое отражение – он видел, что наверху ничего нет.

Вначале на отражение никто не обращал внимания – прохожий человек пожимал плечами и спешил дальше. Но время шло, дни сливались в недели, месяцы – в годы, и слух о необычном замке все больше расходился по городку, потом по стране, а там и по всему миру. В городок стали заглядывать туристы, полюбоваться невиданным чудом.

Мало-помалу весть о замке дошла до градоначальника – ясное дело, он был возмущен до глубины души. Градоначальник спросил подчиненных, кто дал разрешение построить замок без его ведома – подчиненные разводили руками. Глава города повелел поднять амбарные книги, посмотреть, кто и когда самовольно построил замок, – но бумаги ничего не говорили о замке.

Глава города был в ярости – он планировал город, он давал разрешения на застройку, он утверждал проекты квадратных районов, где на ровных, как струны, улицах, стояли дома, одинаковые, как две капли воды. Он не велел строить замок, он планировал возвести на этом месте медеплавильный комбинат.

Градоначальник постановил – замок должен убраться из города в течение двадцати четырех часов. На площадь перед замком явились полицейские и торжественно зачитали приказ в присутствии генерального прокурора.

Замок ничего не ответил.

Солнце обошло над городом свой дневной путь, укатилось за черные крыши панельных домов. Месяц выплыл из темноты, покружился в хороводе с ясными звездами. Прошли сутки – но замок всё так же отражался в глади реки, утки оплывали его стороной, прохожие замирали, пораженные красотой замка.

Глава города был вне себя от гнева. Он громко кричал и топал ногами, притихшие сотрудники прятались по углам. Городской голова повелел снести замок, написал официальный приказ и поставил большую печать.

Сорок каменщиков пришли, чтобы снести замок. Они прочитали замку постановление в надежде, что замок сам покинет своё место и уйдет. Но замок не сдвинулся с места. Тогда сорок каменщиков сели на сорок бульдозеров и поехали на площадь сломать замок. Перед замком студенты местного университета собрались на митинг, они не хотели, чтобы сносили главную достопримечательность городка. Студентов отесняли полицейские, но как-то лениво, неохотно – им тоже не хотелось, чтобы красивый замок погибал.

Но когда рабочие подъехали на бульдозерах к площади – они замерли в недоумении. Потому что на площади ничего не было, между двумя панельными домами светлел пустырь.

Долго не решались сообщить градоначальнику. Правда, он вскоре и сам забыл о необычном замке, не вспоминал долгие месяцы. Но вечером в сочельник городской голова проходил по площади и посмотрел в реку – в реке отражался замок, светился стрельчатыми окнами.

Замок был украшен на Рождество разноцветными фонариками, веточками омелы и венками, из приоткрытого окна, из отражения в реке слышался дух рождественского пудинга.

Глава города рвал и метал. Он созвал своих работников – несмотря на рождественский день – и топая ногами, спрашивал, почему до сих пор не снесли эту гадость. Люди испуганно молчали, наконец, главный архитектор города осторожно сказал, что замок невозможно сломать, потому что замка нет.

Градоначальник в гневе уволил архитектора и собрал совет министров. Три дня и три ночи думали мудрецы, что делать с замком – но так ничего и не решили.

Тогда городской голова собрал ученых профессоров со всей страны. Три дня и три ночи ученые ломали головы, что делать с замком – но и они не нашли ответа.

Тогда городской голова послал весточку самому мудрому мудрецу, который жил на высокой башне на вершине самой высокой горы. Говорили, что мудрец продал душу дьяволу, что он живет на свете уже пятьсот лет, и помнит, как на городских площадях сжигали ведьм. Три дня и три ночи искали гонцы замок мудреца. Три дня и три ночи гонцы уговаривали мудреца спуститься с высокой башни, помочь городу. Они сулили мудрецу дорогие подарки и горы золота.

Мудрец спустился с высокой башни: вначале он хотел добраться до города на метле, но гонцы уговорили его не смущать публику и долететь на самолете. Древний старец спустился по трапу и в окружении полицейских пошел к площади. Он долго смотрел на замок, качал головой, бормотал что-то. Наконец, растерянно развел руками, сказал, что не знает, что делать, и здесь его мудрость бессильна. Но в подслеповатых глазах мудреца блеснул лукавый огонек.

Поздней ночью глава города смотрел на отражение замка – замка, которого не было. В замке светилось одно окно, на самом верху, оттуда доносились звуки песни, которую пела когда-то возлюбленная градоначальника. В те времена глава города был еще молод и боден, как церковная крыса, он безумно любил дочь стального магната. Но девушка по настоянию отца вышла замуж за нефтяного магната, а через год умерла.

Городской голова долго смотрел на замок – а наутро собрал совет министров, и уволенного архитектора тоже вызвал к себе. Он повелел архитектору построить над рекой замок, точную копию того, что отражается в воде. Сорок каменщиков собрались на площади, стучали молотками день и ночь. Наконец, над рекой поднялся замок – точно такой же, как отражение в реке.

Градоначальник был доволен – теперь все было в порядке, замок отражался в воде, со всей Европы и со всего мира съезжались туристы посмотреть на замок невиданной красоты.

И все было хорошо – до тех пор, пока однажды в полночь случайный прохожий увидел, что в реке на месте панельного дома отражается уютный домик с изящными балкончиками, башенками, а на самой высокой его крыше вертится флюгер.

Когда улетают скрипки

Смотрю, как летят скрипки.

Летят ровно-ровно над городом, клином летят, у скрипок положено клином лететь.

А что делать, осень уже, холодно уже стало, вот и улетают скрипки на юг. Из консерваторий, из театров, из музыкальных школ, где они живут, гнезда выют – улетают на юг.

Листья желтые кружатся, умирают.

Все.

До весны теперь не слышать людям, как играют скрипки. Вот и стоят люди, приложили руки козырьками к глазам, смотрят, как скрипки улетают.

И я смотрю. Хотя мне и самому лететь надо. Со своими. А я на скрипки смотрю. Уже не прячусь, уже так смотрю, в открытую, все равно все уже знают. Судачат, шепчутся, ну что это такое, в самом деле, куда мир катится – граммофон и скрипка! Ладно бы с контрабасом каким, но чтобы с граммофоном? Ужас какой, вот в наши-то времена молодежь такого себе не позволяла...

Врете вы всё.

В ваши-то времена еще и не такое бывало.

Сам не знаю, как это получилось...

Скрипка и граммофон...

– Это мое место! – она наскакивает на меня, хлопает крыльями, сильно, люто, бешено, – мое, мое, мое!

– С какой радости твоё, я здесь всю жизнь играл!

– Не было тебя здесь никогда! А ну уходи, я тебе трубу переломаю!

Наскакивает на меня. Скрипка. Даже не скрипка, скрипочка, даже не скрипочка – скрип-чонка какая-то, маленькая, первогодок...

– Люди добрые, да что это такое делается-то? Я сейчас полицию позову!

– А вот, кстати, и полиция, – киваю на три пролетающие арфы, лечу к ним, – разберитесь пожалуйста, кто здесь играть должен?

Скрипочка тушуетя, ага, голуба, хвост поджала...

– А то давай вместе.

– Чего?

– Давай... вместе сыграем? Тебя какие пластинки есть?

– Вот... Лунная соната...

– Давай её...

Играем. Прохожие бросают мелкие монеты, хватаем их стремительно, на лету. Сами знаем, спешить надо, а то зазеваешься, замешкаешься, тут-то тебя за лапы человек и схватит.

А от человека всё ожидать можно.

И даже больше. Вон, так арфе одной отморозки какие-то струны вырвали... Ладно, не о том речь...

Смотрит на город полная луна.

Подсчитываем прибыль, пять, десять, двадцать, сорок...

– На ноты хватит, – киваю.

– Что на ноты, мне на футляр надо.

– Да вот футляры по десятке.

– Тю, по десятке, мне такие не надо, мне красивый надо, что я как нищенка в уродском буду...

– Почему как?

– Да чтоб тебя! – чуть не впивается в меня клювом. Тэ-экс, хорошенькое начало...

– А тебе чего надо?

– Да пластинок бы новых...

– А корпус свой уродский обновить не хочешь?

Вспыхиваю. Никто меня еще так не оскорблял.

– А то такой красавец, а корпус обшарпанный весь....

– Тоже верно.

Влетаем в магазин. Осторожно, а то мало ли что. Скрипка правда сказала, что человек нормальный, ловить нас не будет...

– Ну вот, смотри... как раз на корпус тебе хватит, еще и на ноты деньги останутся... – скрипка скачет по прилавку.

– А... футляр тебе?

– Да ладно, еще подожду, сколько без него жила...

– Не-ет, так не пойдет... давай тебе футляр, мне пластинки, еще и ноты купим....

– Выбрали? – продавец подмигивает нам. Перепархиваю на прилавок, вздрагиваю. Никогда раньше не видел распотрошенные инструменты, вот так, вживую...

...вылетаю на улицу в сумерки, повыше, на самый шпиль, где точно не достанут.

– Ты чего? – скрипка бросается за мной.

– Чего-чего, не видела, что ли, он нашего брата ломает!

– Эх ты-ы... ломает... Он же доктор, он знаешь, сколько наших вылечил? У него руки золотые вообще. Вот казалось бы, человек, а руки золотые... Ой, трусишка ты, зайка серенький... ну полетели уже, не бойся...

– Ну как оно?

Скрипка щеголяет в новом футляре.

– Здорово.

– Вот теперь я самая красивая скрипка на свете.

– Точно.

– А у тебя девушка есть?

– Чего?

– Девушка, говорю, есть?

– Да нет как-то...

– А чего так?

– Так...

– Не родилась еще та, которая достойна...

Смеемся.

Смотрю, как улетают скрипки.

Знаю, что могу опоздать к своим, а всё-таки смотрю, как улетают скрипки...

Ровным треугольником.

На юг, на юг.

А как вы хотели?

Осень пришла.

– Вообще ни стыда, ни совести нет, что за молодёжь пошла...

Оборачиваюсь. Два старых фортепьяно шепчутся на крыше.

Взрываюсь.

– Ты что сказал?

– Да мы не про тебя вообще, мы внучку свою обсуждаем, всполошился тоже! Это знаешь, как называется... когда полошатся...

Отворачиваюсь.

– А где скрипка?

Спрашиваю. Меня никто не слышит.

– А где скрипка? – повторяю громче, во всю силу своей трубы.

– Да вон их сколько летает...

Останавливаемся на ночлег в заброшенном замке. Главное, убедиться, что замок и правда заброшен, люди оттуда ушли. А то мало ли чего от людей ждать, кто-то начнет на телефон снимать, или нотами подкармливать, а кто и поймает, и в клетку. Любят люди нашего брата, ой, любят...

– Да нет... такая... ну знаете... в белой шляпке...

– А-а, так заловили её.

Кажется, что оборвались все струны, даром, что нет у никаких струн...

– К-кто? Г-где?

– Да этот, как его... ну, который инструменты чинил. Поймал её... и в клетку, – кивает старый кларнет.

Не верю себе.

– Но... она же говорила, хороший он человек.

– Все они хорошие до поры до времени. А потом заловит, и ну струны терзать... играть, вишь, хочет...

– Надо её вызволить оттуда.

– Мечтай, мечтай...

– Нет. Я серьезно.

– Да что серьезно, сдурел, что ли, к людям переться? Ну жить надоело, лети, кто не даёт-то...

– И полечу.

Говорю так – уже знаю, никуда не полечу, и мерзко так на душе, злость такая на себя, что не полечу, трус, трус, трус...

Нда-а, герои книг вот как-то могут, р-раз, полетел, два – освободил возлюбленную, три...

То герои книг.

А то я.

Не сразу замечаю, как подбираются ко мне три гитары, это не к добру, обступят, заговорят, а потом нот своих недосчитаешься. Так что надо держать ухо востро...

Гитары обступают меня, почему-то чувствую, что ничего хорошего от них ждать не придется.

– Ну что... нот-то подкинешь?

– Ч-чего ради?

– А мы девочку твою вызволим. Идет?

– М-м-м...

– Чего, не веришь?

– Сначала девочку, – говорю, сам плохо верю в то, что говорю.

– Будь по-твоему.

– Ты чего, – электрогитара толкает своего товарища, кажется, главного в их банде, – сбежит на хрен...

– Никуда он от нас не денется... не боись. Ну давай, показывай, где она, принцесса твоя... это в этом, что ли, в Ба-Бахе?

Не знаю, о чём они.

– Это там... где этот живет, который наших лечит...

– Ну я и говорю, в Ба-Бахе... Магазин такой... Я ему полечу наших, сам потом хрен вылечится... Это, блин, в город возвращаться, о-ох, контрабас, или как ты там, ты раньше спохватиться не мог, что девчонка твоя тю-тю?

– Граммофон я.

– Один хрен... Ладно, пацаны, я с бокового окна влетаю, вы в центральное... слышь, орган, или как ты там, у тебя клюв ничего?

– Да вроде не жалуюсь.

– А клеваться приходилось?

– Да как-то не до того было.

– Тоже прально, мы же интеллигенция... ладно, разберёмся...

Город встречает нас холодом – уже не осенней прохладцей, а зимним холодом, что-то белое падает с неба, оседает на крышах...

– Небо обвалилось, – вздрагиваю.

– О-ох, идиотище ты наше, это ж снег называется... чучелко... небо ему обвалилось... артист...

– Смех?

– Снег... уши мыть надо... не компотом...

В музыкальном салоне погашен свет – тлеет надежда, что хозяина нет дома, тут же замечаю отблеск ночника на втором этаже. Осторожно заглядываем в окна, электрогитара шипит, тише ты, тише, идиотище...

Вот он. Высокий, ненормально худой для человека, сжимает мою скрипку, положил на плечо, водит смычком. Сам не заметил, как сказал – мою скрипку...

Укол ревности – когда вижу, как он прижимает её. Водит смычком, слышу жалобный стон, от которого разрывается сердце. Смотрю на человека, на оттиск на его шее, называется – скрипичный поцелуй, чёрт, моя скрипка ещё и целовала его...

– Айда... с бокового окна заходи...

– Так закрыто же.

– Ой, какие мы нежные, а стекло разбить, крылышки отвалятся?

Смотрю на гитару, только сейчас понимаю, откуда глубокие порезы на крыльях. Перевожу взгляд на стекло, страшно, как было страшно, когда учился летать, вот так первый раз, с крыши, и сзади подталкивают, ну давай, я не трус, но я боюсь...

Лечу, хочу одним махом разбить стекло, понимаю, не смогу...

– Чего, слабо? О-о-ох, учись, студент...

Гитара с грохотом разбивает стекло, врываемся в комнату, моя скрипка кричит мне что-то, не слышу, что. Бросаюсь на хозяина, что я делаю, что я делаю, слышу в памяти голос отца, ты как себя ведешь, умные мальчики не дерутся...

Не такой я дурак, чтобы умным быть...

Два резких хлопка – даже не сразу понимаю, откуда. Две гитары падают с простреленными корпусами, кровь заливает вытертый коврик. Электрогитара облетает человека, бьет клю... нет, не клювом, чем-то другим, как это у него получилось...

– Летим!

Даже не понимаю, кто это закричал, да неужели это я так орать умею, вот так, снова вспоминаю отца, орут только дураки...

Вылетаем в окно, чёрт, окном ошиблись, здесь у него окошечко-то зарешечено... кто нас сюда повёл, да неужели я нас повел в эту комнату...

Хозяин захлопывает дверь. Взводит курок. Чувствую, что скрипку он не тронет, не знаю, почему... потому что не тронет, потому что ему нужна скрипка, никто из нас, только скрипка...

Электрогитара падает с простреленным корпусом, вцепляюсь человеку в волосы, он взводит курок...

С грохотом разлетается дверь, растерзанная огромной стаей. Ещё не верю себе, когда вижу всех, всех наших, и скрипок, и граммофонов, и гитар, и арф, и лир, и... о-ох, они еще и два рояля пригласили, и фортепьяно...

Чёрт...

Вылетаем из дома. На лету хочу подхватить раненную гитару, хватаюсь за гриф, не чувствую пульса, понимаю – мертва...

– Свобода-а-а!

– Ур-рр-аа-а-а-а!

– На-а-а-шии-и взяа-а-а-ли-и-и-и!

Кричим на голоса, кто во что горазд, летим над городом...

– Они погибли? – спрашивает скрипка.

Не знаю, что ей ответить. Скрипка всхлипывает, обнимаю её крылом...

– Веснаа-а-а-а!

Несутся над полями наши голоса.

Несемся мы – домой, к родным городам.

Весна пришла.

Кончились скитания на чужбине, на той стороне луны, теперь можно и на землю вернуться.

Люди выходят из домов, прикладывают руки козырьком к глазам, смотрят, как мы летим. Конечно, кто и ловушку поставит, не без этого, кто и поймает нашего брата. Кто и в клетку посадит, не без этого. Ну, это нам самим надо ухо держать востро...

Возвращаемся в город, город встречает нас весенней прохладцей. Облетаем родные дворики, ратуши, врываемся в городские парки, люди щелкают нас на телефоны, смотрите, смотрите, летят...

Летим.

Уже подумываю, где мы со скрипкой сошьем гнездышко. Уже точно знаю, что никто не будет гневно шипеть в спину, где это видано, граммофон – и скрипка...

– А то давай возле кладбища, – предлагает скрипка, – место спокойное, тихое, никто не позарится...

– Тоже верно, – в который раз думаю, до чего умна моя скрипка, я бы в жизни не догадался – близ кладбища...

– Вот здесь, – скрипка влетает под сень старого дуба, который раскинулся над могилами. Понимаю, что здесь можно поставить целый дом, было бы желание. Оглядываю ряд памятников, кресты, обелиски, любим, помним, скорбим...

– Смотри! – скрипка показывает на памятник за оградой, даже не понимаю, что её настрожило, памятник как памятник, ничего такого...

– А что?

– Да ты на фото посмотри!

Смотрю на фото. Не верю себе.

– Что-то знакомое...

– Эх ты! Не узнал?

Спыхватываюсь. Ну конечно. Он самый. Человек с золотыми руками. Кажется, вот-вот подмигнет мне с памятника.

– Мы его вроде легонечко совсем... а он умер...

– Да что легонечко, ты хоть понимаешь, кого за воротами кладбища хоронят?

– Места на кладбище не хватило...

– Эх ты... самоубийц там хоронят!

Вздрагиваю. Слышал где-то что-то, что человек сам себя извести может, но первый раз вижу воочию...

– А ты на дату посмотри... в тот день, когда мы от него улетели. А он руки на себя поднял...

Не понимаю.

Всё-таки слишком мало мы понимаем людей.

– Зачем он... так сделал?

Скрипка набрасывается на меня, бьет острым клювом, но-но, ты полегче, так недолго и трубу проломить...

– Он из-за меня... ты понимаешь, из-за меня, из-за меня, из-за меня! А ты... а ты... ненавижу тебя, ненавижу, ненавижу!

Бьет меня клювом. Вспархиваю, улетаю, больно-то надо сидеть рядом с такой. И странное дело, и улетаю, и не улетаются, тянет к ней...

Скрипка догоняет меня опускает голову мне на плечо, приобнимает крылом, всхлипывает.

– Он из-за меня... из-за меня... из-за меня...

Кимберли

– Кимберли, вас к телефону, – сказал я как можно непринужденнее.

Я уже знал, что мой друг как ошпаренный кинется к своему аппарату. Я же никогда не понимал технических новинок, да и не горел особым желанием их понимать.

То ли дело Кимберли. Он до сих пор не мог нарадоваться на свой «Белл», везде таскал его с собой, несмотря на внушительные размеры последнего. И каждый раз с истинно мальчишеским восторгом бросался к телефону, отвечал – алло.

– Алло... да... слушаю...

Я ждал. Я уже чувствовал, что ничего хорошего из этого звонка не выйдет. Так и получилось, когда мой сосед с горящими глазами ворвался в гостиную:

– Фрегат «Ариадна».

– И что же с фрегатом? – спросил я как можно спокойнее.

– Крушение. В Андаманском море.

– Уж не собираетесь ли вы отправиться в такую даль?

Боюсь, что власти опять меня не услышат, – кивнул Кимберли, – опять будут сетовать на расстояния и клясться, что обязательно помогут... а потом ничего не сделают.

– Бросьте, Кимберли. Наши министры...

– ...умеют работать только языком, – мой сосед набросил пальто и в два счета оказался на улице. Стоит ли говорить, что телефон тут же сорвался с места и выпустил крылья? «Белл» последней модели никогда не упускал случая отправиться в путь за хозяином.

В этом был весь Кимберли. Если телефон ловил сигнал бедствия от потерпевшего крушение фрегата или человека, заблудившегося в лесу, Кимберли бросал все дела и бросался на помощь...

В дверь постучали. Я уже думал, что вернулся Кимберли, но на пороге стоял незнакомый мне человек, в котором я признал репортера.

– День добрый... разрешите несколько вопросов?

– М-м-м... – я многозначительно посмотрел на часы, – разрешаю.

– Как вы оцениваете Искривление?

...позвочника? – фыркнул я.

Репортер смутился.

– Нет, я имел в виду...

Я понял, что вы имели в виду. Время. Что же... с одной стороны технические новинки, конечно, меня радуют... телескопы, телефоны без проводов, автомобили...

Я сделал многозначительную паузу.

– А с другой стороны?

– С другой стороны мне кажется, что мы делаем что-то не так.

– Вы имеете в виду звездные корабли, которые так и не взлетели?

– Не только. Посудите сами. Вот эти телефоны...

– Я слышал, вы недолюбливаете телефоны.

– И есть за что. Господа из двадцать первого века охарактеризовали телефоны, как беспроводные, обладающие интеллектом, мобильные, то есть, способные передвигаться, говорящие... но вам не кажется, что воспроизводя эти телефоны, мы создали что-то не то?

– Ну... право же...

– Вам не кажется, что это не совсем нормально, когда утром к вам в спальню влетает телефон и приносит вам кофе? Вам не кажется, что это несколько странно, когда телефон желает хозяину доброго утра, спорит с хозяином, вместе с ним разгадывает кроссворды?

– Ну... в свое время многое казалось странным.

– Вы можете считать меня безнадежно старомодным, но лично я бы не хотел обсуждать со своим телефоном котировки валют.

– Но согласитесь, это очень удобно, когда вы заблудились и не знаете дороги, а телефон летит вперед и ищет путь?

– Очень. Но были случаи, когда телефон тоже терял дорогу и заводил своего хозяина в болото.

– Но ведь и господа из двадцать первого века уверяли, что сталкиваются с подобными проблемами.

– Это еще не значит, что мы должны перенимать все самое плохое, что есть у людей в мире будущего. Когда я вспоминаю их откровения о семье, и о роли женщины в обществе, мне становится, мягко говоря, не по себе.

– Но в целом, как вы оцениваете тот факт, что история изогнулась и пошла по другому пути?

– Как вам сказать... Я думаю, уже поздно взвешивать за и против. Случилось то, что случилось. История не терпит сослага... м-м-м... Да, как оказалось, терпит.

– Большое вам спасибо за откровение.

– Не за что. Всего хорошего.

Я снова многозначительно посмотрел на часы. Будь я проклят, если сегодня опять ничего не успею.

Успею...

Легко сказать.

Если у меня вообще хоть что-то получится.

Честно сказать, я уже не верил, что у меня что-то получится. Слишком невероятным было то, что я задумал, слишком фантазмагоричным. Достаточно сказать, что даже самые смелые умы в нашем веке не верили в успех космических перелетов. Откровения людей из двадцать первого века воспринимались насмешливо-снисходительно, ну, ну, врите дальше.

И все-таки что-то подсказывало мне, что они не врут. И все-таки что-то заставляло меня снова и снова приходить к космодрому – так называли пустырь за городом, на котором кто-то когда-то пытался построить самолеты, способные вылететь за пределы нашей планеты – хотя бы до луны. Я смотрел на исполинские фрегаты, сложившие огромные перепончатые крылья – и верил, что когда-нибудь они поднимут паруса и поднимутся в небо.

Нужно только все рассчитать.

Правильно рассчитать.

Как-то же это получалось у джентльменов двадцатого века... Значит, получится и у нас...

Звонок оторвал меня от размышлений. Нет, не телефонный, я уже говорил, что телефона у меня не было. Дверной звонок, который при этом звучал так, что становилось понятно – он не предвещает ничего хорошего.

Я открыл дверь. Осторожно, уже размышляя, как бы не получить пулю в грудь.

Вечер добрый.

– Э-э-э... добрый, – я оторопело уставился на констеблей, лихорадочно припоминая, в чем же виноват.

– Мистер Уаттерс, когда вы последний раз видели вашего соседа?

– М-м-м... на прошлой неделе, кажется.

– А куда он подевался после этого?

– Услышал сигнал бедствия. Что-то там услышал в Сибирской тайге...

– Он улетел в Сибирь?

– Да... или еще куда.

– То есть, вы даже не знаете, где ваш сосед?

– Ну... он частенько пропадал на неделю, на две...

– Вы хорошо помните, как выглядит мистер Кимберли?

– М-м-м... думаю, что да.

– Вы сможете его опознать?

Мое сердце сжалось в нехорошем предчувствии.

– А что, что-то...

– Его останки привезли сегодня утром. Предположительно его. Вы сможете....

– А с ним не было его телефона?

– Простите?

– С ним не было его телефона? Белл последней модели, он знал своего хозяина как никто...

– Нет, телефона не было. Вы... поедете?

– Да, да, конечно же...

Я наскоро оделся, как показалось мне, не по погоде. Мы сели в карету, которую везла электрическая лошадь, и я в который раз подумал, что в попытках подражать двадцать первому веку мы что-то делаем не так.

Кимберли... я вспоминал Кимберли, долговязого щуплого Кимберли, и чем больше я вспоминал, тем меньше он мне вспоминался. Кончилось тем, что в каждом прохожем мне мерещился Кимберли, я еле сдерживался, чтобы не крикнуть полицейским – вот он.

Вообще, чем дальше, тем меньше мне нравилось все происходящее, я так и чувствовал, что добром это не кончится. Когда мы вышли из повозки, я уже готов был к тому, чтобы вернуться домой – перспектива встретиться с мертвым телом меня не радовала.

Собрав остатки воли, я все-таки пошел за стражами порядка. И тут же пожалел о своей опрометчивости – когда что-то темное спикировало на меня из сумерек, обрушилось на мою шляпу.

Черт, это еще...

Я узнал Белла.

– Чертова шарманка, твой хозяин, возможно, мертв, а ты шляешься неведомо где? Нда-а, не хотел бы я обзавестись таким преданным другом...

– Мертв? Что вы говорите? Я потерял своего хозяина...

– Когда ты потерял его, окаянное чудо техники?

– Я... я не помню. Я принял еще один сигнал бедствия, мой хозяин решил пойти на помощь...

– Откуда был сигнал?

– Я... я не помню...

Мне ужасно захотелось хорошенько встряхнуть телефон. Меня удержало только воспоминание о его немалой стоимости.

Стражи порядка ввели меня в приземистое здание мертвецкой. Здесь я в первый раз оценил по достоинству встречу с представителями двадцать первого века. Умение определить человека по крови и отпечаткам пальцев позволило опознать немало людей.

Но мы не знали ни крови Кимберли, ни его отпечатков.

Я долго смотрел на умершего, которого мне показали полицейские. Я никак не мог увидеть в этом обезображенном теле Кимберли, хоть какой-то намек на Кимберли.

– Что вы можете сказать?

Я развел руками. Я не мог ничего сказать, глядя на останки, пролежавшие где-то никак не меньше месяца.

– Может быть, телефон что-нибудь скажет?

Я вздрогнул.

– С каких это пор стали учитываться показания телефонов?

– Ну что же делать... если люди не способны дать ответ.

Я молча проглотил обиду, сейчас было не до того, чтобы качать права. Белл опустился мне на плечо, я даже вздрогнул, когда он впился в меня коготками. Белл пригляделся к останкам, повертел трубкой, наконец, вздохнул.

– Да... это он.

И бросился на то, что когда-то было человеком. Мне казалось, он сейчас заплачет.

– Ваше имя?

– Уаттерс...

– Я спрашивал имя, а не фамилию, – следователь смотрел на меня так, будто я был виноват во всех вселенских грехах, и всемирный потоп тоже был моих рук делом.

– Джеймс.

– Фамилия?

– Я говорил...

– Фамилия! – гаркнул следователь, и я понял, что дела мои плохи.

– Уаттерс.

– Через даблью?

– Да.

– Где вы находились в ночь убийства?

Мне показалось, что я ослышался.

– К-какого убийства?

– Где вы находились, когда убили Кимберли?

– А... к-когда его убили? Какого числа?

– То есть, вы не отрицаете, что он был именно убит?

– Я не понимаю... – я решил говорить начистоту, – вы подозреваете, что это я убил Кимберли?

– Вы единственный, у кого были мотивы сделать это.

– Мотивы? Позвольте поинтересоваться, какие же?

– Вы разве не в курсе, что согласно завещанию вы остаетесь единственным наследником половины дома?

Мне показалось, что я ослышался. Это было слишком... неуместно. То есть, мы давно уже записали дом друг на друга за неимением других знакомых или родственников. Но я как-то напрочь забыл об этом, не вспоминал до сего момента.

Это было слишком неуместно... здесь.

– Так вы думаете, что я...

– Мы не думаем. Так где вы, говорите, были в ту ночь?

– В какую?

Следователь посмотрел на меня так, будто хотел сжечь взглядом.

– Где. Вы. Были. В. Ту. Ночь.

– Дома.

– Что вы делали?

– Я спал.

– Кто может подтвердить это?

– Н-никто.

– Хорошо. Вы... свободны. Когда будет нужно, мы вас позовем.

Я почувствовал, как земля уходит у меня из-под ног. Дело принимало скверный оборот, очень скверный. В сердцах я даже подумал о том, чтобы отказаться от половины дома – но тут же спохватился. Пускать в дом незнакомых постояльцев мне не очень-то и хотелось.

Неделю спустя вечером я услышал стук в окно. То есть, в мое окно и раньше стучали – опадающие листья, холодный ветер, морозящий дождь – предвестник осени. Но это был какой-то особенный стук. Так стучат, когда хотят войти.

Я проснулся от стука. Долго лежал с открытыми глазами, долго пытался понять, что я слышу. Ветка... нет, на стук ветки было не похоже, кто-то рвался ко мне с улицы, и все бы ничего,, но мое окно находилось на третьем этаже...

Я встал, пошел к окну, в темноте нашаривая домашний халат. Попутно я спрашивал себя, что я делаю, зачем я открываю окно неведомо кому.

Зачем...

Я даже не успел выглянуть в окно – что-то огромное ворвалось в дом, захлопало перепончатыми крыльями, заметалось под потолком. Моя рука уже потянулась к швабре, чтобы прогнать непрошеного гостя, когда я узнал в полумраке спальни Белла. Сердце радостно екнуло, я почти готов был поверить, что Кимберли вернулся.

Но это была только призрачная надежда...

– Белл? Ты?

– Добрый вечер, мистер Уаттерс...

– Вообще-то уже ночь. Так что ты... хотел?

– Мистер Уаттерс... я к вам.

– Что ты имеешь в виду?

Я... – Белл сел на подоконник, начал машинально точить когти, – я к вам. Насовсем.

– Белл... – я осторожно откашлялся, – я... мне не нужен телефон.

– Пожалуйста, мистер Уаттерс.

– Белл, если ты полетишь на блошинный рынок, тебя купят в два счета.

– Мистер Уаттерс... я прошу вас. Я жил в этом доме так много лет...

Ледяная рука сжала мне сердце.

– Ну... х-хорошо. Но... Чтобы со мной безо всяких штучек и фокусов, ты меня понял? Я тебе не твой безрассудный хозяин, который бросался за тобой по первому твоему зову!

– Конечно... конечно, мой господин...

– А теперь я хочу спать. И не беспокой меня по ночам, ты меня понял? Вообще-то и днем не беспокой. Или... вот что, каждое утро часов в десять будешь сообщать мне о звонках за день. Да... и не забудь разбудить меня завтра в восемь.

– Да, мой господин.

Я забрался в безнадежно остывшую постель, зарылся в одеяло. Мельком вспомнил, что телефоны могут согревать хозяев своим теплом. Тут же отогнал от себя эту мысль, только говорящего телефона в постели мне не хватало.

– Мой господин...

Я как всегда недовольно поморщился, как всегда многозначительно покосился на Белла. Когда он, наконец, поймет, что мне не нравится, когда меня так называют...

– Мой господин... я получил сигнал среди ночи.

Я откашлялся.

– Белл, друг мой, сколько можно объяснять, что меня не интересуют твои сигналы, пойманные среди ночи! Если ты получил сигнал бедствия, ты можешь обратиться в полицию, там обязательно помогут... ты все сказал?

– Мой господин... это от Кимберли.

Я откашлялся.

– Белл... Мне очень жаль. Но Кимберли умер, ты же знаешь.

– Но это сигнал от него.

– Ты что-то путаешь, Белл.

– Ничего я не путаю, я, по-вашему, не знаю, от кого сигнал идет?

Я вздрогнул. Я никак не ожидал, что всегда учтивый телефон может быть таким резким и грубым.

Тем не менее, он таким был. Отчаянно хлопал крыльями, метался по комнате, срывался на крик:

– Сигнал идет от моего хозяина! Кимберли в опасности! В опасности!

– Ну хорошо, хорошо, Белл... я займусь... этим.

Мне нисколько не улыбалось провести день за поисками сигнала, скорее всего, ошибочного. Лично я бы предпочел посвятить своё время работе над летучими кораблями – несмотря на свое почти полное разочарование оными. Однако, мысль, что мой друг может быть жив, и может быть в опасности, не давала мне покоя.

Я вооружился картами и погрузился в изыскания...

(запись в дневнике обрывается)

– Белл, – позвал я, – поди сюда, Белл.

Телефон осторожно запрыгал в мою сторону. Я видел, что он побаивается, ведь последнее время я подзывал его только чтобы устроить хорошую выволочку за пропущенный звонок.

– Мой господин?

– Белл... – начал я как можно мягче, – я проследил сигнал от Кимберли.

Телефон насторожился.

– И у меня плохие новости. Боюсь, этот сигнал бедствия идет оттуда, куда нам не добраться.

– Мой господин...

– Не зови меня так.

– Как же вас называть?

– Джеймс.

– Дже... э-э-э... мистер Уаттерс... я могу одолжить у вас небольшую сумму денег?

– Я же сказал, мы справим тебе новый диск ближе к Сочельнику.

– Нет. Чтобы отправиться в Новый свет... и вызволить моего хозяина. Ведь вы имели в виду Но- вый свет?

– Нет, Белл, я не имел в виду Новый Свет.

Телефон насторожился, даже приподнял трубку.

– Белл... Я получил сигнал с Луны.

Молчание.

– Нет, ты не ослышался, Белл. С луны. Боюсь, твой хозяин в поисках и скитаниях зашел слишком далеко.

Белл молчал. Я понимал, что он сейчас переживает, мне было ничуть не лучше.

– Мне очень жаль, Белл, – осторожно сказал я, – мне очень жаль. Поверь.

Белл не отвечал мне.

– Белл... мы можем купить тебе новый диск в воскресенье. И трубку.

– Да... большое спасибо, мой го... Ке... М-мистер Уаттерс.

Я вышел на улицу, осень встретила меня холодком. Полная луна смотрела на меня своим единственным глазом, как будто беззвучно посмеивалась надо мной. Огромные корабли выселись на горизонте – красавец «Мэри Куин» постепенно начал разрушаться, из-под обшивки просвечивал остов.

Корабли, которые никогда так и не взлетели в небо.

Корабли...

У меня сжалось сердце.

– Собирайся, Белл.

– Да, мой го... м – мистер Уаттерс.

– Мы летим на луну.

- Да, мистер Уаттерс.
- Ты что, не понял? Мы летим на луну!
- Да... но... неужели?
- Да, Белл, да. Нельзя оставлять в беде своего хозяина.

Я взвесил в руке саквояж, он показался мне тяжеловат для Белла. Так и получилось, когда я отдал свою кладь телефону, последний только беспомощно волочил её по земле, хлопая крыльями. Мне пришлось перехватить саквояж, и мы покинули городок, направились к космодрому.

Я дописываю эти строки, уже сидя на борту «Персея». Мы договорились с Беллом, что он отнесет мои записи домой, потом присоединится ко мне в путешествии. Он один знает, где искать...

(страница потеряна)

- Мистер Кимберли, вы уверены, что имеете право унаследовать дом?
- Мой сосед Уаттерс составлял завещание на меня.
- Но после этого вы полгода считались пропавшим без вести!
- И что? Разве это что-то меняет? Если Уаттерс не переписал завещание, я по-прежнему имею право унаследовать дом.
- Да... действительно.
- Зачитывайте, прошу вас.
- Я, Джеймс Уаттерс, находясь в здравом рассудке и памяти, в случае моей смерти завещаю половину дома моему соседу...
- Вот именно.
- А все-таки очень жалко Уаттерса.
- Не то слово. До сих пор поверить не могу.
- Да, отличный был человек.
- Я любил его, как брата.
- Всего хорошего, мистер Кимберли.
- Всего хорошего. Белл, проводи гостя.

Белл летит по лестнице за стряпчим, подает лапками пальто, надевает на гостя шляпу. Еще раз оглядывает коготки, не осталось ли где присохшей крови, нет, вроде все вычистил...

Красный чай

Когда нас вынесли в зал, мы как всегда гадали, кого из нас недосчитаемся мы сегодня. Все дни делились для нас на удачные и неудачные. Если мы все возвращались домой в полном составе – день был удачный, если кто-то из нас падал на пол – это был неудачный день.

Как всегда перед чаепитием выступил старый чайник, напомнил нам всем, что файф-о-клок – наш священный гражданский долг перед родиной, правь, Британия, и все такое. Я вспоминал, как когда-то слушал эти слова с замиранием сердца, представлял себя не безвестной чашкой в «Гордон Рамзи», а членом королевского сервиза династии Виндзоров...

Молодость...

Сейчас я уже слышал пылкие речи нашего чайника с долей скептицизма. Конечно, наш гражданский долг – это святое, но перспектива разбиться вдребезги меня не радовала. Я предпочёл бы выполнять свой долг без риска быть разбитым на осколки. Например, чтобы полы в «Гордон Рамзи» делали из мягкого войлока, а также столы и стулья... Впрочем, я отвлекаюсь.

Нас вынесли в зал. Как всегда я вспоминал, с каким замиранием сердца я вышел в этот зал первый раз, как всё было красиво и сверкало, я чувствовал себя личной чашкой принцессы Дианы или Оливера Кромвеля, не меньше. С годами мой восторг немного поубавился, впрочем, я всё равно был восхищён убранством нашего кафе.

Как всегда перед чаепитием мы потихоньку помянули тех, кого с нами нет: две чашечки, молочник, маленькое блюдо. Сахарница обмолвилась, что если разобьют ещё одну чашку из сервиза, нас могут списать, а на наше место... чш, чш, все зашикали на сахарницу, что вы такие ужасы говорите, мэм...

Я гадал, кто из нас разобьётся сегодня. Было у меня предчувствие, что кто-то из нас отправится в последний полет на пол. Так было на душе в день, когда разбился молочник. Я посмотрел на чашечку с розой на бортике – она мило улыбнулась мне, и я попросил кого-то всесильного, чтобы разбилась не она.

Как всегда я подумал, почему разбиваемся мы. Почему такая несправедливость. Ведь в чаепитии участвуют две стороны – мы и люди, только для людей почему-то чаепитие – приятный ритуал за милой беседой, а для нас – лотерея, выигрышем в которой была наша жизнь. Было бы справедливо, если бы люди тоже разбивались, может, тогда пореже бы пили чай...

Нет, конечно, в какой-то мере все это приятно – когда тебя наполняют вкусным ароматным чаем, на подставках лежат пирожные, в сахарнице сверкает белоснежный сахар. Еще приятнее, когда тебя сжимают ручки молоденькой девушки или даже дамы в годах. Конечно, здорово красоваться на файф-о-клоке, и вообще, если не участвовать в чаепитии, зачем тогда жить. Но...

Вот именно.

Но.

Как всегда я подумал, а что если бы люди разбивались...

Нас принесли пятерым господам. Мне сразу стало неинтересно – что с того, что тебя сжимает рука какого-то господина. Чашечки оживленно зашептались, я даже испытал укол ревности, когда чашечку с розочкой взял в руки господин с мясистым лицом. Я прислушался к обрывкам фраз и понял, что мы имеем дело не с соотечественниками.

– Кто они? – шепотом спросил я.

– Я почем знаю, – шепнула сахарница, – дельцы какие-нибудь... клерки...

– Да нет... по национальности.

– А, ты об этом... м-м-м... похоже на итальянцев...

Мы вздрогнули. Иметь дело с итальянцами нам не хотелось, тогда уж точно кто-нибудь из нас полетит на пол...

– Хотя нет... постой... эй, кто-нибудь знает этот язык?

Мы прислушались. Нет, хоть убей, непонятно. Я немного знал французский – следствие долгого романа с бутылкой мерло – и несколько фраз по-немецки, подслушанных у какого-то пряничного домика. Но это... индийский... арабский... нет, на арабов они совсем не похожи...

– Русские, – шепнула чашечка с розочкой.

– Да ну, что ты...

– Точно тебе говорю... русские...

Старый чайник нахмурился. Предыдущие две чашечки были жертвами русских туристов, молочник, правда, разбил какой-то испанец. Вспомнились какие-то жуткие истории про руссо туристо, которые стреляли по дорогим сервисам, били зеркала или совали петарды в апельсины...

Старое блюдце для пирожных внимательно смотрело на разводы клубничного джема. Я уже знал, что оно гадает на разводах, пытается увидеть в них будущее.

– Сегодня будет беда, – сказала старое блюдце.

Мы зашикали на него, нам и так было не по себе.

– Кто-то разобьется. Кто-то сегодня обязательно разобьется. Здесь. За этим столом.

– Ой, перестаньте, – вздохнула сахарница.

– Я чувствую это...

Я смотрел на чашечку с розочкой. Не отрываясь. Человек с мясистым лицом отчаянно жестикулировал, держа чашечку, я все ждал, когда раздастся предсмертный звон. С какой бы радостью я вырвал у него из рук мою чашечку, увёл бы её далеко-далеко...

Мы молчали. Даже старый чайник не говорил про гражданский долг и правь, Британия.

Я прислушивался к обрывкам фраз, нет, даже не просите, шестьдесят процентов, моё последнее слово... Честно скажу – мне было страшно. Наверное, великие королевские сервисы так не боялись, когда мелькали в руках у коронованных особ. Но я не был королевским сервисом...

– Разводы на джеме показали ворона и крест, это знаки смерти, – вздохнуло старое блюдце.

Я посмотрел на разводы джема, и, хоть убейте, ничего в них не увидел.

Люди что-то обсуждали. Людям не было страшно. В который раз я подумал, почему люди не бьются.

Я подумал, почему люди не бьются.

И в этот момент я почувствовал, что рука худого мужчины больше не сжимает меня.

Свободный полёт... вот как это бывает...

Узкая ладонь с длинными пальцами подхватила меня, я даже не успел расплескать чай. Худой мужчина поставил меня на блюдце, продолжал говорить что-то, нет, я настаиваю, пятьдесят на пятьдесят, или ты судьбу Игорёшина забыл?

Чашечка посмотрела на меня, как казалось мне, с обожанием. Я торжествующе глянул на большое блюдце, аг-га, обманули судьбу, вот оно как бывает...

Старое блюдце не согласилось.

– Я чувствую... я чувствую беду...

Чаепитие плавно подошло к концу, нас унесли на кухню. Это тоже было страшно, но уже не так страшно, я знал руки официанток и посудомоек, которые бережно прикасались к нам, боялись сделать больно...

Я оглядел нас и спохватился, что чашечку с розочкой еще не принесли.

– Я чувствую беду, – сказала старое блюдце.

Мне очень захотелось расколотить его, чтобы оно замолчало раз и навсегда.

– Ну вот, верные сыны и дочери отечества, вы достойно выполнили свой гражданский долг...

И тут раздался звон.

Громкий.

Оглушительный.

Там. В зале. Я даже не сразу сообразил, что никто из нас не может разбиться с таким грохотом. Стекло... нет, вроде даже не окно и не зеркало...

Подруга чашечки с розочкой закрыла лицо ладонями, старое блюдо вздохнуло, о, святой Патрик. Чайник нахмурился.

Мы ждали. Люди поспешил в зал, там что-то случилось, большее, чем разбитая чашка, из-за разбитой чашки люди так не волновались бы...

Шли минуты.

Наконец, в моечной появилась официантка, которая несла остальных членов нашего сервиза, сахарницу, два блюда и чашечку с розочкой. Я сразу заметил, что чашечка плачет, громко, навзрыд.

– Что ты... что с тобой? Они... там...

– Он... он... раз... раз...

– Что?

– Он... – чашечка с трудом выговорила – раз-бил-ся!

– Кто?

– Че... че...

– Чайник?

– Н-нет... че...

– Честерфильдский сервиз?

– Нет... че...

– Чешир? Челси?

– Че... ло... век... раз... бил... ся...

Мне показалось, она бредит. Человек разбился. Так не бывает.

– Так не бывает, – повторил я.

– Раз... бил... ся... там... на улице... другой человек... стоял... и худой за столом сделал ему знак... и человек на улице... что-то сделал... и разбил... моего человека... вот так... на расстоянии... разбил...

– Разбил?

– Да... он упал... и разбился... этот... с мясистым лицом...

Чашечка больше не могла говорить, она плакала. Мы не понимали. Я мысленно просил прощения у кого-то, что желал людям разбиться.

Сахарница осторожно добавила:

– Из него вылился чай... красного цвета. У людей внутри красный чай... красный чай...

Луноделы

– О, дырка под хвостом дьявола, вы что? – мастер смотрит на тощего начальничишку, как на врага народа, – этого? В первый цех? Помогать?

Начальничишка хватается за голову, так и жду, что начнёт рвать волосы:

– А кого? Этот, блин, ногу сломал, тот, блин, руку, этот, блин, голову, а я что? А я что, один за всех, как этот... Дрантаньян? О-охо, загоните вы меня, загоните...

Машет на меня руками:

– В цех его! В цех!

Мастер смотрит на меня, вижу, он так бы и убил на месте. А убьёшь, так кто у тебя вообще работать останется...

– О, заднее копыто Мефистофеля, храни меня Санта Мария... – оборачивается ко мне, вопит, – Люди здесь годами учатся, го-да-ми! Десятками лет! Учатся! Из поколения в поколение! А это! Полмесяца работал! И в первый цех! О, Санта Мария, грация плена...

Молчу. Тоже поминаю Санту Марию. Пусть она разрешит мне хоть одним глазком увидеть первый цех, святую святых. Я тихонечко. Я все по инструкции. Меня хоть в уголке поставить чего-нибудь взбивать или перемешивать. Я постою. Я...

Мастер кивает. Не понимаю, что это значит, идти за ним или катиться ко всем чертям и мефистофелям. Иду за ним. Такой шанс дается раз в жизни, такое нельзя упустить...

Вхожу в сияющую белизну. Мастер набрасывается на меня, куда ты в грязном прёшься, как к себе домой, сто дьяволов тебе в глотку и рога старого сатаны тебе в задницу. На меня напяливают халат, поверх моего, натягиваю перчатки, мастер заматывает мне голову платком, больно рвёт за волосы, терпи, терпи...

– Ну... вот здесь... по инструкции... читать-то умеешь, или окромя комиксов в руках ничего не держал?

Холодеет спина.

Это что-то новенькое.

– Я что... один буду?

– А ты чего хотел? Этот ногу сломал, тот голову, этот еще что... не маленький, чай... полмесяца уже... тут...

Обреченно смотрю на инструкцию.

Налейте в чан 7 500 000 литров свежего молока...

Италия славится своими сыроварнями. Традиции сыроварения в Италии уходят в глубину веков. Именно здесь появляются такие шедевры сыроварного искусства, как Буррата, Грана Падано, Горгондзола, Маскарпоне и Моцарелла, Пармезан и Рикотта Романа. Особо стоит отметить, что кулинары до сих пор не пользуются современными технологиями, отдавая предпочтение приготовлению по старинке, вручную...

...размешиваю молоко в исполинском чане, еще немного, и сам улечу туда...

– Ты сам-то туда не завались, чучелко ты моё! – громовой окрик мастера.

Вздрагиваю. Нет, все-таки есть в нем что-то человеческое, жалеет...

– Упадешь, из-за тебя потом молоко скиснет!

Тихонько киваю, ну-ну. Размешиваю.

Добавьте кисломолочную закваску в пропорции...

Рассчитываю пропорцию. Будь я проклят, если что не так насчитаю...

– Ты давай живее уже, чего копаешься?

Вспыхиваю ядерным взрывом:

– Поспешись, людей насмешись, знаете такое?

– Да каких людей, каких людей? – мастер, здоровяк под десять тонн, хватает меня подмышки, тащит к окну, – ты смотри, а? Вишь? Вишь, а?
Смотрю. Хоть убейте, ничего не вижу. Не понимаю.
– Ты на небо смотри! На небо!
Смотрю. На ночное небо, оскаленное звёздами.
– Новолуние...
– Ка-акое к хренам чертовым новолуние? Ты в календаре-то посмотри, исчадь ада и всех мефистофелей!
– Полнолуние...
– Полнолуние по календарю, сто кругов ада ему в глотку! А луна где? Где луна, а?
Кусаю губы. Нет луны. Нет.
– Во-о-от. До полуночи не сделаем, бошки полетят на хрен во все котлы ада!
– А... ч-что... до п-полуночи?
– А то сам не знаешь, тысяча дьяволов тебе в уши! Папа едет! Сам папа!
Еле удерживаюсь, чтобы не спросить – чей. Киваю, думаю, одним папой тут нашествие не ограничится, премьер прикатит, президент, еще кто-нибудь такой, от которого луну не утаишь, увидит, что луны нет, точно бошки полетят во все котлы ада...
Размешиваю.
Добавьте соль и специи...
– Да как ты мешаешь, как мешаешь, у тебя руки из жопы, или откуда? А плесень кто добавлять будет?
– Так потом же плесень...
– Слышь, он мне еще тут умничать будет!
Особо славится городок Реджо-Эмилия, в сыроварнях этого города делают не просто сыры – там каждый месяц изготавливают саму луну на небо. Данная традиция уходит корнями в глубокую древность, еще древние пращурь...
Замираю, чуть не роняю мешалку, которой размешиваю молоко.
Жду, когда эта тварь кинется на меня. Тварь не кидается, тварь выжидает, смотрит, принохивается, пощёлкивает клювами, перебирает шупами, помаргивает фасеточными глазами.
Только с ума сойти мне не хватало.
Хватаюсь за соломинку, еще надеюсь, может, тут так разыгрывают нашего брата, подсунут к новичку какую-нибудь нехристь, и смотрят, как подскочит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.